

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 19 (2282)

Среда, 1 мая 1946 г.

Цена 45 коп.

ПРИКАЗ

Министра Вооруженных Сил Союза ССР

1 мая 1946 года

№ 7

гор. Москва

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты и старшины! Товарищи офицеры, генералы и адмиралы!

Трудящиеся Советского Союза!

Сегодня, впервые после победоносного окончания Великой Отечественной войны, проводим мы Первое Мая — международный праздник трудящихся — в условиях мирной жизни, завоеванной в тяжелой борьбе с врагами, ценою больших жертв и лишений.

Год тому назад Красная Армия водрузила знамя победы над Берлином и завершила разгром фашистской Германии. Через четыре месяца после победоносного окончания войны с Германией сложилась оружие империалистическая Япония. Вторая мировая война, подготовленная силами международной реакции и развязанная главными фашистскими государствами, была закончена полной победой свободлюбивых народов.

Разгром и ликвидация основных очагов фашизма и мировой агрессии привели к глубоким изменениям в политической жизни народов мира, к широкому росту демократического движения среди народов. Наученные опытом войны, народные массы поняли, что судьбу государств нельзя вверять реакционным правителям, преследующим узкокастовые и корыстные противонародные цели. Именно поэтому народы, не желая больше жить по-старому, берут судьбу своих государств в свои руки, устанавливают демократические порядки и ведут активную борьбу против сил реакции, против поджигателей новой войны.

Народы мира не хотят повторения бедствий войны. Они настойчиво борются за упрочение мира и безопасности.

В авангарде борьбы за мир и безопасность идет Советский Союз, сыгравший выдающуюся роль в разгроме фашизма и выполнивший свою великую освободительную миссию.

Народы, освобожденные Советским Союзом от фашистского ига, получили возможность строить свою государственную жизнь на демократических началах, осуществляя свои исторические чаяния. На этом пути они встречают со стороны Советского Союза братскую помощь.

Весь мир имел возможность убедиться не только в могуществе Советского государства, но и в справедливом характере его политики, основанной на признании равноправия всех народов, на уважении их свободы и независимости. Нет никаких оснований сомневаться в том, что Советский Союз и впредь будет верен своей политике — политике мира и безопасности, политике равноправия и дружбы народов.

Советский Союз с окончанием войны приступил к мирному социалистическому строительству. Советские люди с воодушевлением взялись за мирный созидательный труд, прерванный войной.

Принятый Верховным Советом Советского Союза закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946 — 1950 годы открывает новые перспективы дальнейшего роста производительных сил нашей Родины, роста ее экономической мощи, под'ема ее материального благосостояния и культуры.

Рабочие, крестьяне и интеллигенция нашей страны восприняли пятилетний план, как боевую программу, отвечающую их жизненным интересам. Можно надеяться, что советские люди, во главе с коммунистической партией, не пожалеют сил и труда для того, чтобы не только выполнить, но и перевыполнить новую пятилетку.

Развертывая мирное социалистическое строительство, мы ни на минуту не должны забывать о происках международной реакции, которая вынашивает планы новой войны. Необходимо помнить указания великого Ленина о том, что, перейдя к мирному труду, нужно постоянно быть на-чеку, беречь, как зеницу ока, вооруженные силы и обороноспособность нашей страны.

Вооруженные Силы Советского Союза — наши Сухопутные войска, Военно-воздушные силы и Военно-Морской Флот — выполнили свой долг перед Родиной в Великой Отечественной войне.

Теперь перед нашими Вооруженными силами стоит не менее важная задача — бдительно охранять завоеванный мир и созидательный труд советского народа, быть надежной опорой интересов Советского Союза.

Успешное выполнение этой почетной задачи возможно лишь при условии дальнейшего роста военной культуры и военного мастерства бойцов и командиров нашей Армии, нашего Флота, нашей Авиации.

Вооруженные силы Советского Союза должны изо дня в день повышать уровень своего военного искусства на основе опыта войны, на основе развития военной науки и техники.

Можно не сомневаться, что наша Армия, наш Флот и наша Авиация выполнят с честью стоящие перед ними задачи.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты и старшины! Товарищи офицеры, генералы и адмиралы!

Товарищи рабочие и работники, крестьяне и крестьянки, люди интеллигентного труда!

Воины, демобилизованные из рядов Красной Армии!

От имени Правительства и Коммунистической Партии приветствую и поздравляю Вас с днем Первого Мая!

В ознаменование международного праздника трудящихся — ПРИКАЗЫВАЮ:

Сегодня, 1 мая, произвести салют в столице нашей Родины — Москве, в столицах союзных республик, а также в Львове, Кенигсберге, в Хабаровске, Владивостоке, в Порт-Артуре и в городах-героях: Ленинграде, Сталинграде, Севастополе и Одессе — двадцатью артиллерийскими залпами.

Да здравствуют наши доблестные Вооруженные Силы!

Да здравствует наша славная Коммунистическая партия!

Да здравствует великий советский народ!

Да здравствует наша могучая Советская Родина!

**Министр Вооруженных Сил Союза ССР
Генералиссимус Советского Союза
И. СТАЛИН.**

Под знаменем Ленина, под водительством Сталина — вперед к новому расцвету Советской Родины, к полной победе коммунизма в нашей стране!

Министр Вооруженных Сил Союза ССР Генералиссимус Советского Союза И. СТАЛИН.

Якуб КОЛАС ВОИН-ПОБЕДИТЕЛЬ

Шагает к дому победитель,
Бесстрашный сталинский солдат
И отчий край едва увидел,
Как думы все — на мирный лад.

Блестят на нем медали чинно,
Нашивки — список многих ран, —
На приступ Кюстрина, Берлина
Ходил наш воин-ветеран.

Сквозь бури он прошел посвета,
От вечной тьмы народы спас
И в очи смерти, все изведав,
В боях лихих глядел не раз.

Идет он вольною дорогой,
Гудят, гремят грузовики,
Хозяйским взглядом смотрит строго —
Что натворили чужаки!

Кругом завалы, пепелища,
Сады изрублены войной,
И в них безродный ветер свищет,
Тоскуя о красе былой.

А хаты те, что уцелели, —
Без слез не ступишь на порог —
Кривые стены черви с'ели,
На окнах плесень, дряхлый мох.

Но победитель уж гадает —
Как все поправить, подравнять.
Краина наша молодая,
Дай срок — поднимется опять!
Недолго ждать! И старый воин
Светлеет, глядя на поля,
В бескрайний сад, счастливый, вольный,
Мы обратим тебя, земля!

Я подхожу к бойцу с приветом
И говорю ему, как брат:
Как много сил в тебе и света,
Страны великой сын, солдат!

Перевел с белорусского
Петр СЕМЫНИН.

Гр. АБАШИДЗЕ ПРОБУЖДЕНИЕ ВЕСНЫ

Еще вчера печальная, нагая,
Сегодня алыча белым-бела,
Не мельнику ль работать помогая,
Она всю ночь на мельнице была?
За алычу, не смутясь нисколько,
Миндальное выходит дерево —
Зари осколок, розовая долька,
Чуть дымчатое легкое вино.
Из очага, как перья синей птицы,
Колечками взлетает к небу дым:
Двойник фиалки, что в лесу таится,
Иль с небосводом схожий голубым!
А стебли длинные, в резбу влетаясь,
Окутали оконные глаза.

Как будто бы на солнце просыпаясь,
Змею мудрой тянется лоза.
Обиты стены, ставни и перила,
Как свечка незажженная — побег.
Вот-вот заплачет, как детеныш милый,
Слепит глаза сквозь завесь тонких век.
Растет лоза, взбегает по ступеням,
Подлет на столб в азарте молодом.
Добытое упорством и терпением
Вбегает счастье в новый светлый дом.
Хозяин дома взором приветает:
Луга зеленая расшила нить.
Хоть дуг ковром у нас не величают,
А с чем бы вы могли его сравнить?

Лежат луга. Темнеют перекрестки.
А в комнате колхозника ковер,
На нем нашиты темные полоски,
Так на лугах тропинки вьют узор.
Деревья персиков и ветви тута
Проснулись, только задел восток.
Уютный дом колхозника, как будто
Среди цветов взращенный им цветок.
Летает снег, хоть отошли морозы,
То лепестки, похожие на снег.
На новый дом, на вьющиеся лозы
Глядит любовно новый человек.

Перевела с грузинского
Вера ЗВЯГИЦАВА.

Писательская совесть — наше оружие

СОФИЯ. (По телеграфу.). Весь болгарский народ празднует 1 мая как праздник свободы, истинной демократии, всенародного трудового соревнования. Болгарские писатели, принесшие немалые жертвы в двадцатилетней борьбе с фашизмом, ныне деятельно участвуют в культурной жизни страны, совместно с народом выводят страну из пропасти, в которую ее столкнули Кобургская династия и продавшиеся немецкому фашизму правительство Болгарии.

Находясь, однако, в стране и за рубежом круги, которым не по душе то, что болгарский народ освободился от всякого рода опекунов. Они по старой привычке считают, что народ должен быть лишь безвольным исполнителем их воли, враждебной его интересам.

В Болгарии выходит несколько оппозиционных газет, в одной из них есть постоянная рубрика: «В Болгарии нет свободы». Эти газеты пишут, что им угодно, не заботясь об истине, о национальных интересах. Что в Болгарии нет диктатуры

одной партии, может видеть любой иностранный наблюдатель, лишь бы он не был глухим и слепым. У нас полностью гарантированы свобода слова, свобода писательского творчества, и мы видим небывалый рост литературной жизни.

Власть, в которой на равных правах участвуют пять политических партий, объединившихся в Отчественный фронт, планомерно и твердо проводит выработанную в борьбе с кровавым фашизмом демократическую программу. Именно в этом нужно искать причину недовольства реакционных кругов, уцелевших от справедливого народного суда над фашистами.

Теперь, когда Болгарии предстоит заключить мир, мы пожелаем самым энергичным образом опровергнуть злостные выпады реакции внутри и вне страны. Эта реакция стремится превратить нашу страну в инструмент для проведения международных политических махинаций и империалистических домогательств.

Писательская совесть — наше оружие, которое мы поднимаем в защиту нашей ро-

дине. Мы выражаем особую благодарность советским писателям, не пожалевшим труда и покоя, чтобы поддержать болгарский народ в его борьбе за свободу и независимость и рассеявшим множество кривотолков о нашей стране.

Да здравствует 1 мая — великий праздник народов Советского Союза и трудящихся всего мира!

Да здравствует Красная Армия-освободительница и ее мудрый и великий вождь Генералиссимус Сталин!

Да здравствует советская культура, да процветает и крепнет могучая литература советских народов!

Елизавета БАГРЯНА, Гиоучо БЕЛЕВ, Боян БОЛГАР, Орлин ВАСИЛЕВ, Дора ГАБЕ, Мария ГРУБЕШЛИЕВА, Георги ЖЕЧЕВ, Камен ЗИДАРОВ, Младен ИСАЕВ, Георги КАРАСЛОВОВ, Крум КЮЛЯКОВ, Святослав МИНКОВ, Елин ПЕЛИН, Димитр ПОЛЯНОВ, Николай РАЙНОВ, Людмила СТОЯНОВ.

Плакат работы В. ДИВАНОВОЙ. Издательство «Искусство».

БЕРЕЖЕМ СТРАНУ РОДНУЮ!

Плакат работы А. КОКОРЕКИНА. Издательство «Искусство».

Гордость советского человека

Никогда еще в истории не был таким торжественным и радостным день всемирного праздника трудящихся, как в текущем 1946 году. И хотя в зарубежном мире империалисты — реставраторы фашизма и реакционеры всех мастей все еще ведут ожесточенную борьбу против сил демократии, но праздничные знамена — символ единства — поднимают сегодня во всех уголках земного шара — и в истекшей кровью свободной Индонезии, и в гонимой Греции, и в обманутой Ирландии.

Сегодня во всем мире нет ни одного трудящегося, который не перенес бы мысленно в Советский Союз и не был бы вместе со всем советским народом в родной Москве — городе, который стал символом человеческой справедливости, символом освобождения мира, символом радости и спасения.

Еще год тому назад — 1 мая 1945 года — гремели последние выстрелы второй мировой войны. Величайший подарок ко дню всемирного праздника трудящихся принесли войны непобедимой Красной Армии: 1 мая 1945 года они громко и громко провозгласили фашизм — Берлин.

День 1 мая 1945 года во многих освобожденных странах впервые был объявлен государственным праздником.

Я присутствовал на первом празднике 1 мая в столице Югославии — Белграде. Надо было видеть, что творилось на улицах Белграда, когда народы Югославии праздновали свободу и право без страха выражать свои чувства и чаяния.

По площади Теразия, перед трибуной, на которой стоял вожь югославских народов маршал Тито и его храбрые молодые генералы, прошли сотни тысяч граждан. Они плакали от радости и кричали хором приветствия великому Сталину, освободителю Красной Армии, Советскому Союзу и Москве. А в эти же часы славные войны молодой югославской армии — бывшие бесстрашные партизаны — добивали остатки гитлеровской армии на Балканах и ценой своей крови освобождали словенское приморье и город Триест, который и сегодня еще остается оторванным от своей матери Югославии.

Есть чем гордиться сегодня советскому человеку: под мудрым руководством Сталина создано самое мощное и самое справедливое государство в мире; под руководством Верховного Главнокомандующего Гениералиссимуса Сталина советские войны освободили мир от фашизма; под руководством Сталина советские народы преодолели послевоенные нужды.

Перед советскими писателями, работниками искусства и культуры — огромное поле деятельности. Они должны показать наших бессмертных героев и воспитать великую стройку пятилетия, ибо все то, что делается в нашей стране, является примером для трудящихся всего мира.

Н. НОВОСЕЛОВ

Утро во Львове

Холодком повеяло из сада. И, едва потянув фонари, вспыхнули на вымытых фасадах Алье полотнища зари.

Я иду по улицам зеленым, По холмам, одетым до бровей Синею дымкой кленов, окрыленных Тонкими сплетеньями ветвей.

Здесь травинка каждая близка мне, Помнящая отблески пылкого, И хранит ирландские камни Жаркое дыхание веков.

Город в битвах выстоя упрямо. И весна, по улицам плещет. На его долах бинтует шрамы Влажною прохладою плещет.

Снова бликом солнечных игрой Входит счастье к людям на порог, И скрипит лесами новостроек От росы прогоревший ветерок.

А вдали простерлись без предела Выходами набухшие поля,— Будто на сто лет помолодела Галицкая древняя земля!

Апрель 1946. Львов.

Сборник „Победа“

В Воронежском областном книгоиздательстве выходит эстрадный сборник «Победа». В сборник включены стихи и рассказы о Дне Победы, о родине, о городах-героях — Ленинграде, Сталинграде и Севастополе, песни и колхозные частушки, а также водевилы И. Луковского «Капитан может жениться» и рассказ Н. Асинова «Знамя Победы».

К. ПАУСТОВСКИЙ

Стальное колечко

Дед Кузьма жил со своей внучкой Варюшей в деревушке Моховое у самого леса.

Зима выдалась суровой, с сильным ветром и снегом. За всю зиму ни разу не потеплело и не закатала с тесовых крыш ступающая талая вода. Ночью в лесу были продрогшие волки. Дед Кузьма говорил, что они воют от зависти к людям, — волку тоже охота пожить в избе, почесаться и полежать у печки, отогреть заделенную косятушку шкурку.

Среди зимы у дедушки вышла махорка. Дед сильно кашлял, жаловаясь на слабое здоровье и говорил, что если бы захватились разок-другой — ему бы сразу полегало.

В воскресенье Варюша пошла за махоркой для дедушки в соседнее село Переребы. Мимо села проходила железная дорога. Варюша купила махорку; завязала ее в синий мешочек и пошла на станцию посмотреть на поезда. В Переребах они останавливались редко. Почти всегда они проносились мимо с лягом и прохотом.

На платформе сидели два бойца. Один был бородастый, с веселым серым глазом. Заревел паровоз. Было уже поздно, как он, весь в пару, яростно рвется к станции из дальнего черного леса.

— Скорее! — сказал боец с бородой. — Смотри, девочка, слует тебя поездом. Улетит под небеса.

Паровоз сграхнул налетая на станцию. Снег завертелся и залился глаза. Потому что Варюша не успела отбежать от платформы. Варюша схватилась за бортик вагона и закрыла глаза, — как бы и вправду ее не подняло над землей и не утащило за поездом.

Когда поезд пронесся, а снежная пыль еще вертелась в воздухе и садилась на землю, бородастый боец спросил Варюшу: — Это что у тебя в мешочке? Не махорка?

— Махорка, — ответила Варюша.

Как звездочет наблюдает планету за мильными миль, — я изучаю действительность эту — в вечность пыльную свою.

И открываются, точно с подмостков будущего, этажи: сколько детей превратилось в подросток, юноши стали мужи.

Я, окруженный на острове звуков морем немых времен, слушаю говор вырванных вышек, летит их юных жен.

И воскресает запах весенних садов — вечная юность за пеленою в тучи увитых годов.

Скорю набухнувших почек березы выстрелит передо мною вырванный праллель... Гулко и влажно кричат паровозы: это весну выкликают апрель.

Валерия ВАЛЬСЮНЕНЕ

Моя родина

Что мне может быть в мире дороже? Здесь во всю голубую линию По январю звонкому ложу Неман в Балтику гонит волну.

Широко расступилась, как море, Зарайских озер синева,— Точно небо в вечернем уборе Отмохла на землю Литва.

А на сонсах серебряной снастью Загорастся утром роса...

Пусть пророчат Литве моей счастье Птиц непуганных голос! Как забыть это можно, не знаю, Это так мне знакомо до слез,— Утром кто-то незримый играет Золотом листвою берез, Эти вышши в цвету... А над ними Этот ропот, и шопот, и шум... Моей родины чистой имя Я всегда в моем сердце ношу!

Перевел с литовского Ян. ПИШОВА.

Вера ИНБЕР

Для этого стоит жить

Год тому назад, 2 мая, Берлин был взят нашими войсками.

Год тому назад, 9 мая, в чистом предутреннем эфире прозвучали слова о полной нашей победе над гитлеровской Германией.

Две эти даты, отделенные друг от друга шестью сутками, слились для нас в единый майский день. Ощущение весенней свежести и обновления природы соединилось с величайшей радостью, которую только может испытать сердце советского человека: наша Родина победила.

Миллионы единичных усилий советского народа дали в сумме своей эту победу. Прошел год. И новые задачи встали перед нами, в том числе задачи научные. Об этом говорит товарищ Сталин в своей предвыборной речи 9 февраля этого года.

Мы живем в эпоху научных чудес. Дух захватывает при мысли, что человек, находясь на планете Земле, может взвесить далекую звезду и определить ее элементы.

Научные методы становятся все менее громоздкими, все более остроумными, даже «изысканными». Многие научные опыты так и именуются: изыскания.

В XVIII веке для того, чтобы определить расстояние до луны, потребовалось возвести воображаемый треугольник, основание которого равнялось 10 тысячам километров.

Сейчас это расстояние определяется крошечной радиоволной, направленной на луну и отраженной обратно на землю. Это так называемое «радиоэхо». Но уже намечалась возможность и «светового эха».

Световой луч будет касаться лунной поверхности и, вернувшись на землю, раскажет нам о высоте лунных гор и глубине кратеров.

Не кажется ли нам, писателям, что такой световой луч — это как бы продолжение во вселенной карандаша или ручки, которыми мы пишем.

Недалеко то время, когда мы сможем описать луну с точностью, какая не снится Жюль Верну и Уэлсу.

Мы уже знаем много такого, о чем сравнительно недавно не могли мечтать самые смелые научные фантасты.

Доступной стала тайна строения атома, и дали свои результаты практические исследования.

Выдающийся русский физик Лебедев много лет своей жизни отдал на то, чтобы доказать существование «светового давления».

Настал день, когда он сказал знакомому астроному: «Сегодня я сделал комету». Другими словами, он доказал на опыте, что свет давит на газ. Недаром же газобразный хвост кометы всегда повернут в сторону, противоположную солнцу.

И еще Лебедев сказал: «Для этого опыта стоило жить».

Что за великолепные слова! Послевоенный сталинский пятилетний план продолжил широкую дорогу советской науке, в частности — астрономии. Во многих республиках нашего Союза бу-

Слабо и сладко пахнут мимозы, зыбко и зыбко бегут облака... Все, что ставили и силы морозы, освобождают солнца рука.

В гущу борьбы на весенней арене тут еще вступают ветер-престарел: в это всеобщее непостояние кто там поверит, что мир постарел?

Скорю набухнувших почек березы выстрелит передо мною вырванный праллель... Гулко и влажно кричат паровозы: это весну выкликают апрель.

Скорю набухнувших почек березы выстрелит передо мною вырванный праллель... Гулко и влажно кричат паровозы: это весну выкликают апрель.

Перевел с литовского Ян. ПИШОВА.

ПРАЗДНИК

Как мечталось, как сплослось, как жалось, И обнимет за шею: «Щелуй горячий!»

Вдурт соскочит с постели, пролетит по хате, Заплетет свои косы тяжелым узором. Землю-мать, отца-солнце и месяц, как брата, Посадит дядя с мужем своим за столом!

Как мечталось, как сплослось, как жалось, И обнимет за шею: «Щелуй горячий!»

Так и вышло,— рекою из берегов, И приходят сыны — и на омутах, бродах Изгибаются радугой дуги мостов.

Как мечталось, как сплослось, как жалось, И обнимет за шею: «Щелуй горячий!»

Притикают к шинам продырявленной дечи: «Это тытка приехал!» И выйдя в поля, На бойца заглядывая погмее лето, И с рассветом под окна подходит земля.

Он проломит жену: «Проспайся», касатка, Не дремли до обеда на мужнем плече.

Перевел с украинского Михайло ЗЕНКВИЧ.

Раса ГАМЗАТОВ

Четверостишия

ОТЧИЗНА

Соловей поет всегда все ту же песню. Он — любящий к отчизне страстный провозвестник! Если бы он пел о чем-нибудь другом, Не была бы для него та песня всех чудесней.

ЛЕНИНГРАД

Ты голодал, но не поникнул головой. Ты жаждал, но не молвил: — Напои водой! Ведь люди просят дать воды пред самой смертью. А ты не собираешься умирать, герой!

СЕВАСТОПОЛЬ

Мы городу часто хвалу воздаем За то, что на берегу стал он морском. Теперь прославяем мы Черное море. За то, что стоит Севастополь на нем.

КРОВЬ И СЛЕЗЫ

Кровь по лицу его речем мы дядька. Но ни одной слезы из темных глаз: Для гордых горцев слезы — не вода! Они дорожат кровью в десять раз.

Перевел с аварского Сергей ГОРОДЕЦКИЙ.

Якуб КОЛАС

М Е Ч Т А

Радостные, волнующие перспективы открываются перед нашей страной. В исторических предначертаниях новой сталинской пятилетки мы видим торжество великих идей Ленина—Сталина, торжество нашего советского строя жизни.

Начиная гранитную работу по восстановлению нашей страны, мы сознаем и те задачи, которые предстоит выполнить писателям.

Великая Отечественная война, борьба в тылу врага, партизанское движение, особенно в Белоруссии, где оно проявилось наиболее мощно, показали величие и героизм нашего народа, воспитанного большевистской партией. Мы должны в литературе показать этот героизм и это величие народное так, как они проявились в войне и проявляются теперь в мирном труде.

Близкие, непосредственные и органические связи с народом-победителем — великая школа для нас. Это дает крепкую опору в нашем творческом стремлении показать живых людей. Постоянная, тесная связь с народом обогащает и наш язык, вливает в него непрерывно возникающие животворные соки подлинной поэзии. Все это скажется и на качестве художествен-

ных произведений — очерков, повел, рассказов, лирических стихов, драм, романов. Кто чутким сердцем услышит голос земли, проникнется ее поэзией, тот передаст ее многоголосым эхом во все уголки отчизны.

Перед писателями Белоруссии стоят большие и сложные задачи, связанные с жизнью колхозного деревни. Здесь нет малых или незначительных дел и тем.

Мы, писатели, должны в совершенстве знать колхозного человека. Понимать каждое движение его души, его сердца, знать его желания и стремления. Мы должны уметь прислушиваться к его голосу.

Жизнь напоминает нам о многом. Мало того, что деревенские избы с соломенными крышами, построенные с широкими, веселыми просторами котлованных полей, красивыми пейзажами нашей страны,—они не отвечают и новым бытовым условиям советских людей. Деревенская деревня легко становится пещерой пожаров. Как показывает статистика, каждые 35 лет деревня Беларуси выгорала целиком. За последние несколько десятков лет наши леса, откуда мы брали материал для строительства, ощутительно уменьшились. Лес — страж наших рек и озер, он охраняет мягкость климата Белорусии. Подумаем же и мы, писатели, о том, как своим своим принять участие в охране лесов. Мы должны мобилизовать энергию народа на строительство кирпичных городов, на возведение в городах красивых, уютных домов-коттеджей. Разве не увлечены картины завтрашнего дня родной республикой? Разве не порабаталась для ее будущего? Не напишешь яркой, как радуга, поэмы? Лично для меня было бы самой большой радостью, если бы я увидел новую кирпичную Беларусь в конце веселых садов. Уж много, много лет пишу я такую думку-мечту. Еще в 1937 году вспоминал я поселок, где жил летом:

Гудит, ронкает в небесах мотор Над устрицей Устричного поселка, А хаты-бедняки, как на подбор: Солома, перекошенный забор,— Далекое мимувшего окошко.

И здесь, шагая по родным местам, Я думаю, что будет с нашим краем: Сметут колхозники замшелый хлам, Дома-коттеджи и узику сям И Устрия и на Бален не смею.

Наша жизнь — интереснейшая книга, и сию никогда не читаешь, никогда она не наскучит. В этой книге нет той последней странички, на которой автор-жизнь поставил бы точку.

Если мы будем идти ногой в ногу с жизнью, с народом, мы выполним то, о чем говорил Пушкин, — пробудим в сердцах людей доброе чувство; мы удовлетворим и мечты Некрасова, — мы станем поэтами-гражданами; мы выполним и мечту Маяковского — создадим памятник, — сложенный в боях социализма.

Гудит, ронкает в небесах мотор Над устрицей Устричного поселка, А хаты-бедняки, как на подбор: Солома, перекошенный забор,— Далекое мимувшего окошко.

И здесь, шагая по родным местам, Я думаю, что будет с нашим краем: Сметут колхозники замшелый хлам, Дома-коттеджи и узику сям И Устрия и на Бален не смею.

Наша жизнь — интереснейшая книга, и сию никогда не читаешь, никогда она не наскучит. В этой книге нет той последней странички, на которой автор-жизнь поставил бы точку.

Если мы будем идти ногой в ногу с жизнью, с народом, мы выполним то, о чем говорил Пушкин, — пробудим в сердцах людей доброе чувство; мы удовлетворим и мечты Некрасова, — мы станем поэтами-гражданами; мы выполним и мечту Маяковского — создадим памятник, — сложенный в боях социализма.

Гудит, ронкает в небесах мотор Над устрицей Устричного поселка, А хаты-бедняки, как на подбор: Солома, перекошенный забор,— Далекое мимувшего окошко.

И здесь, шагая по родным местам, Я думаю, что будет с нашим краем: Сметут колхозники замшелый хлам, Дома-коттеджи и узику сям И Устрия и на Бален не смею.

Наша жизнь — интереснейшая книга, и сию никогда не читаешь, никогда она не наскучит. В этой книге нет той последней странички, на которой автор-жизнь поставил бы точку.

Если мы будем идти ногой в ногу с жизнью, с народом, мы выполним то, о чем говорил Пушкин, — пробудим в сердцах людей доброе чувство; мы удовлетворим и мечты Некрасова, — мы станем поэтами-гражданами; мы выполним и мечту Маяковского — создадим памятник, — сложенный в боях социализма.

Гудит, ронкает в небесах мотор Над устрицей Устричного поселка, А хаты-бедняки, как на подбор: Солома, перекошенный забор,— Далекое мимувшего окошко.

И здесь, шагая по родным местам, Я думаю, что будет с нашим краем: Сметут колхозники замшелый хлам, Дома-коттеджи и узику сям И Устрия и на Бален не смею.

Наша жизнь — интереснейшая книга, и сию никогда не читаешь, никогда она не наскучит. В этой книге нет той последней странички, на которой автор-жизнь поставил бы точку.

Если мы будем идти ногой в ногу с жизнью, с народом, мы выполним то, о чем говорил Пушкин, — пробудим в сердцах людей доброе чувство; мы удовлетворим и мечты Некрасова, — мы станем поэтами-гражданами; мы выполним и мечту Маяковского — создадим памятник, — сложенный в боях социализма.

Гудит, ронкает в небесах мотор Над устрицей Устричного поселка, А хаты-бедняки, как на подбор: Солома, перекошенный забор,— Далекое мимувшего окошко.

И здесь, шагая по родным местам, Я думаю, что будет с нашим краем: Сметут колхозники замшелый хлам, Дома-коттеджи и узику сям И Устрия и на Бален не смею.

Наша жизнь — интереснейшая книга, и сию никогда не читаешь, никогда она не наскучит. В этой книге нет той последней странички, на которой автор-жизнь поставил бы точку.

Если мы будем идти ногой в ногу с жизнью, с народом, мы выполним то, о чем говорил Пушкин, — пробудим в сердцах людей доброе чувство; мы удовлетворим и мечты Некрасова, — мы станем поэтами-гражданами; мы выполним и мечту Маяковского — создадим памятник, — сложенный в боях социализма.

Почетная миссия

Вспомянуть, обычно, дорогое. Воспоминания — те же мечты, только обращенные в прошлое.

Прошлый год перемаяской ночью мы еще дрались в Берлине. Прага ляхородно готовилась к восстанию и с надеждой звали к нам. Радостности Европы и Америки передавали подробности веледого фарса — смерть и похороны Гитлера, речи нового «главы государства» гросс-адмирала Деница, вести о конце кровавой трагедии комеди.

Мы подыали бокалы,—так принято у нас, в советской стране, встречать праздники — и выпили за самое дорогое — вождя. Родину, победу, близких и родных. Артиллеристы и минометчики вели огонь по рейк-стагу, танки стояли в засаде на Кайзер-аллее, стрелки готовились к штурму центральных казарм СС.

Ровно в полночь из полнотемной дымки передали в наше подразделение дивизионные радости приняла сообщение немецкого командования, находившегося где-то здесь, за соседними домами, с просьбой о капитуляции. Наши парламентарии должны были выйти в определенное место Тиргартена с соответствующим световым сигналом. В два часа ночи немцы должны были подтвердить свою готовность капитулировать.

Неудя было прозвонать такое событие. На войне мы были с первых дней — и вот, вдруг, ее конец! Бодрствовали до 5 часов. Немцы не подтвердили своего сообщения, их берлинский гарнизон капитулировал двумя днями позже, мы уснули на рассвете со сладкой мечтой о мире.

Теперь это уже воспоминание. Нас волнуют новые мечты. Воссоединенная, под великим и могущественным знаменем Ленина—Сталина, раскинувшая родная Советская Украина — от притоков Дона до берегов Дуная и Тиссы. Плотный гуд полей и возоват Украина, в угледных недрах Донбасса, по всей необятной советской стране.

Есть мечты, которые не суждено еще стать воспоминаниями. Это несуществующие мечты о золотых стофах новой «Одиссеи», об этическом величии «Войны и мира» XX века. А жизнь ставит перед нами новые задачи, зовет, жлет, требует! Новые мечты о героической летописи великих трудовых будней непрестанно волнуют и беспокоят нас.

В этом — наше счастье. Творческое беспокойство — лучшая атмосфера для художника. Поэтому у каждого из нас должна быть своя пятилетка, составленная не из деклараций и обещаний, а из конкретной работы.

История знает имена светлых борцов за будущее человечества, но разве не больше, шеству из них это будущее представляется абстрактным, расплывчатым, неясным? Ленин и Сталин, партия большевиков сделали будущее конкретным, ясным сознательного труда, предначертая ему законы развития, определили его точными цифрами.

В этом плане великого восстановления, развития и строительства будет наш труд, наше творческое горение, наши книги, песни, киноленты. Мир, затаив дыхание, следит за осуществлением заветной и славной мечты советского человека.

Русская литература всегда была международной по своим связям, влиянию и значению. Широкий круг интернациональных связей, особенно в славянском мире, есть и у нашей украинской литературы. Эти связи должны расти и крепнуть. Даже самые передовые люди за границей еще очень мало знают о нашей стране. Там, в Европе, мы в этом убедились воочию. Наша обязанность — вооружать друзей и разоружать врагов. Это важная задача, почетная миссия.

И хочется думать, что, встречая 1 мая 1950 года, мы будем называть многие выдающиеся творения советской литературы, достойные нашей войны и нашего мира.

„ШТУРМ БЕРЛИНА“

Бригада писателей и журналистов в составе А. Суркова, Е. Долматовского, Е. Герасимова, В. Шмерлинг и З. Херца закончила, по заданию Воениздата, работу над сборником «Штурм Берлина» (литературная запись воспоминаний героев берлинского штурма и литературная обработка писем и документов).

В сборник вошло около 200 воспоминаний рядовых бойцов, офицеров и генералов — участников берлинского сражения. Среди них — генерал-полковник В. Чуиков, генерал-полковник авиации С. Руденко, маршал бронетанковых войск П. Рыбалко, генерал-полковник В. Кузнецов, трижды Герой Советского Союза А. Покрышкин и др.

Иллюстрации для книги готовит художественная студия им. Грекова. Объем книги — около 40 авторских листов.

Рисунок И. ТОЙДЗЕ

— Что ж боец позабыл мне сказать про мизинец! — подумала она. — Что будет тогда? Дядька я надеваю колечко на мизинец, попробую.

Она надевала колечко на мизинец. Он был худенький, колечко на нем не удержалось, упало в глубокий снег около тропинки и сразу нырнуло на самое снежное дно.

Варюша охнула и начала разгребать снег руками. Но колечка не было. Пальцы у Варюши поспели. Их так свело от мороза, что они уже не сгибались.

Варюша заплакала. Пропало колечко! Значит, не будет теперь здоровья деду Кузьме, и не будет у нее бо́льшей радости, и не увидит она белый свет со всеми его чудесами. Варюша воткнула в снег, в том месте, где упало колечко, старую сложенную ветку и пошла домой. Она выгирала слезы жаркой, но от этого было колко и больно глазам.

Дед Кузьма обрадовался махорке, замямил свое избу, а про колечко сказал: — Ты не горюй, дурочка! Где упало — там и является. Ты Сидора попроси. Он тебе скажет.

Старый воробей Сидор сид на шестке, раздвинул, как шарик. Все зиму Сидор жил в избе у Кузьмы самостоятельно, как хозяин. С характером своим он заставлял считаться не только Варюшу, но и самого деду. Каму он склевывал прямо из миски, а хлеб старался вырвать из рук, и когда его отпояны, обижался, ершился и начинал драться и чиркать так сердито, что под струей слезящих соседские воробьи, прислушивались, а потом долго шумели, осуждая Сидора за его дурной нрав. Живет в избе, в тепле, в сытости, а все ему мало!

На другой день Варюша пошла Сидору, заперла в платок и пошла в лес. Из-под снега торчал только самый кончик еловой ветки. Варюша посадила на ветку Сидору и попросила: — Ты пощи, поройся! Может, найдешь!

Но Сидор соскочил вниз, недоверчиво посмотрел на снег и пропировал: — Ишь ты! Ишь ты! Нашла дурочка!

— Ишь ты, ишь ты! — повторил он, сорвался с ветки и полетел обратно в избу. Так и не отыскалось колечко. Дед Кузьма кинула все сильнее. К вечеру он залез на печку, почти не спускался оттуда и все чаще просил поить. Варюша подавала ему в железном ковшике холодную воду.

Метели кружились над деревушкой, наваливали снег, заносили избы. Сосны завязли в снегу по колена, и Варюша уже не могла отыскать в лесу то место, где уронила колечко. Все чаще она, спрятавшись за печкой, тихонько плакала от жалости к деду и бранила себя.

— Дуреха! — шептала она. — Заблудилась, обронила перстенок. Вот тебе же это! Вот тебе!

У входа в здание рейхстага (Берлин) Рисунок В. НЕЧАЕВА

Т. ШЕПКИНА-КУПЕРНИК

Радость

Есть в жизни долг: как солдату... Не покладая шага он никогда... При нем тоска неведомая...

Этим старомодным стихами начинается один из первых сборников моих стихотворений, изданный около полувека тому назад. Книжка стала «библиографической редкостью»...

А когда пришла самая тяжелая утрата в моей жизни, на другой же день после похорон я не читая, подписала договор с издательством и ушла с головой в работу над «Книгой о М. Н. Ермоловой».

Наступили грозные дни войны. Затемненная Москва жила под вой сирен и взрывающиеся бомбы. Все мы каждую минуту были готовы к смерти.

Моя литературная деятельность была отмечена отличиями — орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За доблестный труд»...

Это мое личное отношение к труду, но я составляю часть государства трудящихся, и это дает мне особую связь с моей родиной.

Иногда в душе возникает вопрос: «Каждый гражданин имеет право на труд — всем должно быть открыты все возможности труда в нашей жизни».

И настал день победы, явившей торжеством всего советского народа. Но теперь сколько труда нужно будет потратить на то, чтобы страна забыла все свои ранения...

Труд — ведь, в первую очередь, это работа на заводах, в шахтах, в лабораториях, в школах, в кабинетах писателей...

Вспомнил о войне молодые силы, поднявшиеся за эти годы из плена на смену юноши и девушки. Даже в моем учебнике, на котором меня обречают годы и здоровье...

Получаю множество писем от начинающих поэтов и прозаиков и все они просят совета, спрашивают о правилах стихотворения, жаждут учиться...

Видим мы работу кружков самодеятельности: это все молодежь с завода, с фабрик, которая находит время рядом с работой заниматься и самообразованием...

Мы вступили в период мирного строительства, и под знаменем труда все от мала до велика будем работать во имя будущего своей страны.

Мы живем, сознавая что наше государство трудящихся заняло светлое место в истории человечества, ибо оно познало истинное счастье творческого свободного труда.

Эдгарс ДАМБУРС Песня весны

Жаждал услышать сердце Песню маворонка в поле. К Даугаве родной я вышел На зеленое раздолье. Под набухшее сиренью, На коричневом пригорке Голоса земли я слышал, Аромат вдыхая горький. Зеленея, расплетая, Ты наивысшая пианина, И пылаешь Ритгой тучка, Влагой полная вешерпий. И сияющим потоком Пронеслась она под вечер. Светлый мир, дождем омытый, Поднимался мне навстречу, Разгораясь алым цветом, Пестрой радугой блистая. Вот, черта лазурь крылами, Звонких птиц взлетела стая. Под землей гудели воды,

По земле ручьи бежали. Вот он, маворонк мидий, Тает, тает в синей дали! Нежный, как весны дыхание, С вечно новой звонкой песней, Легкий, как пушинка в поле, Первый наш весенний вестник! И лицо большое отчизны, Вдурт открылось предо мною. Поиски Байкал суровый, Бьются океан волнами, И леса шумят, ликуя, И поют победы дайны. Как, советская отчизна, Ты прекрасна и бескрайна! От Видземе до Урала, Вновь цветет подснежник нежный, Алые знамена реют Над тобою, край безбрежный...

Вера СМЕРНОВА Чувство истины

Помните, у Куприна есть рассказ о том, как редактор приходит к писателю, своему старому другу, и просит его сделать вымышленный рассказ. После долгих уговоров писатель соглашается. Вместе они стараются придумать сюжет для небольшого рассказа, и невольно им прежде всего приходят на ум все литературные трафареты, все пасхальные ситуации, уже использованные писателем. Память услужливо подсказывает им темную весеннюю ночь, первый удар колокола, бедняка, обретенного нежданно счастье, разжалобившегося скрягу, расквашенного преступника. Проглянув с десяток подобных сюжетов, друзья очень скоро чувствуют что-то вроде душевной оскотинки. Тогда они начинают мучительно искать тему, мысль, наконец, какую-нибудь зацепку, предлог, вещь, перебирают все, что у них под руками, и убеждаются, что все это не то. А рассказ уже написан. И они понимают: необходимо что-то свежее, весеннее, трогательное, элементарное. Трава, земля бьет? Да, что-то вроде травы. Но как сделать из травы рассказ?

Измучившись, они начинают сердиться, спорить, говорят друг другу обидные слова. Редактор упрекает писателя в чистоте, в бедности, говорит, что он писатель, в разгар споры они апеллируют к далеким дням, когда они были детьми, и вдруг вспоминают где-то какую-то жалкую травку, росшую уба-то у сырого забора их бедного заброшенного детства, травку, которую они ели с таким вкусом, потому что это была чудесная таинственная трава весны, мечты, дружбы.

Бледная, нежная зелень этой далекой травки проступает вдруг сквозь всю прожитую ими жизнь и возвращает, вместе с запахом детства, свежесть чувств, свежесть души, свежесть мысли. Вспоминаются, растроганные, забытое в рассказе, оба друга наперевы с упоением вспоминают мельчайшие подробности, жадно дышат живительным воздухом этой далекой весны и, освещенные, примиренные друг с другом, уже машут рукой на неостоявшийся заказ — и вдруг видят, что это и есть тот настоящий сюжет, тот необходимый материал, который они так искали.

В подавляющем этом рассказе есть горькая и грустная правда о литературе и литераторах. В сущности, таков всегда путь писателя, его творческий поиск: отталкиваясь от литературы, неизбежно побыв сначала в плену у гения, изучив ремесло, достигнув какой-то степени мастерства, «перстат прилаживать к делу свою свободу, и встает вопрос: зачем любой предмет, любой замысел, уметь сделать из него, что нужно (вспомним «спеленуху» Чехова), а потом долго, мучительно, непрерывно искать свой настоящий драгоценный материал и подлинное вдохновение.

В любом литературном произведении можно поэтому найти следы авторского родства, любви или полнотежности — хорошую или дурную волю, хорошую или дурную школу. Бывает, что писатель на всю жизнь застывает в плену у своего учителя, своей библиотечки, может быть, богатой и обширной; бывает, что делается честным и скрупулезным ремесленником, готовым аккуратно и быстро выполнять всевозможные заказы; бывает, что на всю жизнь остается школьником — первым учеником, боющимся нарушить правила, или первым озорником, который петь хочет на орфографии. Это все литературные недоросли. Ими бываю не только авторы, но и книги.

Для того, чтобы пройти весь путь к истинному вдохновению, вовсе не обязательно писать большую и великую «вечную» книгу. Как видно из купринского почти юмористического рассказа, дорога открыта всем и доступна каждому. Где же растет вдохновение, где и как искать эту волшебную травку, без которой невозможно никакое творчество, без которой не живуча литература?

Куприн отвечает: в жизни, в действительности, в пережитом и увиденном, в настоящей черной сырой земле, в первой сочной, кисельной зелени, в своем непосредственном ощущении жизни.

Вот, радуясь весне, миру, зеленой траве и живым людям, гордая победами и славою родной земли, армии, науки, искусства, повторяя слова великого подвижника русской литературы: «Свобода творчества легко согласуется с служением современности: для этого не нужно принуждать себя, писать на тему, насильно фантазировать, для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, установить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужны симпатии, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни».

Вот, радуясь весне, миру, зеленой траве и живым людям, гордая победами и славою родной земли, армии, науки, искусства, повторяя слова великого подвижника русской литературы: «Свобода творчества легко согласуется с служением современности: для этого не нужно принуждать себя, писать на тему, насильно фантазировать, для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, установить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужны симпатии, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни».

Иван НОВИКОВ НАУКА, ЛИТЕРАТУРА, ТРУД

Вопрос о взаимоотношении науки и литературы несомненно шире проблемы создания книги о науке. Многие обычно представляют науку, как обогащающую литературу новыми материалами, который ждет литературного оформления. Однако наука и литература совместно пребывают не только в научно-художественных книгах, пользы которых мы не отрицаем. Литература и наука не столь редко объединяются в подлинных произведениях больших творцов — как наука, так и литература.

Тот, кто читал, например, классиков естествознания, должен признать, что мастерство передатчика мысли и писателя, или опытного, или наблюдательного не может быть заменено никаким, даже самым «живым» популярным изложением. Каждому подлинному научному исследованию уже по одному этому присущи своеобразия и значительные формы. Иногда эта форма бывает трудна и открывается лишь постепенно, во встречном внимательном труде самого читателя, доставляя зато ту особую радость, которая рождается при всяком самостоятельном преодолении трудностей.

Своеобразие очарования самой формой научного текста, в постепенном раскрытии основных положений ощущению чувств, дышащего интуицией человеческой мысли, озабоченной не живостью или красотой изложения, а поисками самой истины и возможно более точным закреплением ее на бумаге; осязая и возникает не только построение той или иной фразы, но и обильный «строй» изложения, и эта речь «из первых уст» ничем иным не заменяема.

У научной литературы, конечно, есть своя «эстетика», до сих пор, как кажется, мало изучаемая литературоведами. Одним из основных ее положений, по моему мнению, можно признать уважение к закону «о необходимом и достаточном» — закону, в предельном осуществлении приносящему «формулу», являющую эстетически очень высоким.

Образование писателей обычно бывает гуманитарным. Но всякая наука оказывает свое положительное влияние на творчество писателя, который ею занимается. Нам известны высокие примеры того, когда наука и искусство всю жизнь составляют великим художникам слова и круп-

Героям купринского рассказа пришлось вернуться за этим в детство, где жизнь, им казалась теплой, интересной, богатой — выросло искали они вокруг себя, в своем настоящем чего-то свежего, весеннего, трогательного, и в этом — печальный смысл «Травки».

Прошло не так уж много лет. Старый писатель после тяжелых скитаний на чужбине успокоился в родной земле, а в России выросли уже два новых поколения писателей. Наученные всем опытом русской литературы, мы знаем твердо, что жизненная и красота, и сила искусства — в правде, и может быть, никогда еще литература не была так близка к жизни, не стояла так совсем рядом, почти сливаясь, почти неотделимая от нашего настоящего, как сейчас.

Бурно цветет новая весна, первая марьяна весна — после грозных страшных лет войны. Визитная головешка великой победы. Год — очень короткий срок для литературы. Но пока писатели на Западе гадают, где, когда, кем и как будет написана новая «Война и мир», пока зарубежные критики дискутируют о свободе творчества в СССР, — советская литература уже дала миру замечательные книги о войне и о победителях.

Вот они — эти победители. Раствнувшись дымной колонной по густым непроходимым пшатам Украины от брянских лесов до белорусского Полесья, по снегу, по грязи, по черной пыли движется громадный народный восторг — партизаны. Их призывала собственная совесть, вооружила любовь к родной земле, вела вперед партия. И так же просто, отважно и свободно, как бились они, как жили в лесу, учились воевать, взрывали мосты, освобождали города, гибли и побеждали, так и в книгу вошли эти «люди с чистой совестью», вместе со своим командиром и автором Петром Вернигоровым.

Для славы мертвых нет! Из шурфа взорванной шахты № 5, крепко держа друг друга за руки, легким, молодым шагом, неразлучно с родной песней, выходят краснодонцы — Молодая гвардия. Победа. И на колени все! — перед этим маленьким отрядом юных победителей вошедших в литературу со своими подлинными именами, с настоящей, невыдуманной жизнью и с живой нежностью славы.

Но мир никогда бы не узнал их так хорошо, и бедный краснодонский памятник молча хранил бы их имена, неподвижно и холодно, как все надгробья. Воскресило их живое слово писателя, и вот они явились перед нами, полные сил и отваги, веселые, нежные, прекрасные, — живые, чтоб жить снова.

И в этом победит писателя и его победа — он тоже победил смерть и время. Но его победа — победа всей советской литературы, наша общая гордость и слава. В мировой художественной прозе — это явление беспрецедентное, уникальное. Действительность вошла в книгу без прикрас, точная, верная, еще горячая от прожитой крови, и став литературой, приобрела такую живую силу, предельную, возможную, ради которой, слышанный на весь мир и на долгие годы.

Перечислять все, что дала наша литература в эти годы, невозможно. Несомненно одно: путь советского писателя — путь народа. И это слияние пути даю нашей литературе силу, многообразие таланта, вдохновение, делающее ее столь значительной, столь сильной повсюду.

И вот, радуясь весне, миру, зеленой траве и живым людям, гордая победами и славою родной земли, армии, науки, искусства, повторяя слова великого подвижника русской литературы: «Свобода творчества легко согласуется с служением современности: для этого не нужно принуждать себя, писать на тему, насильно фантазировать, для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, установить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужны симпатии, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни».

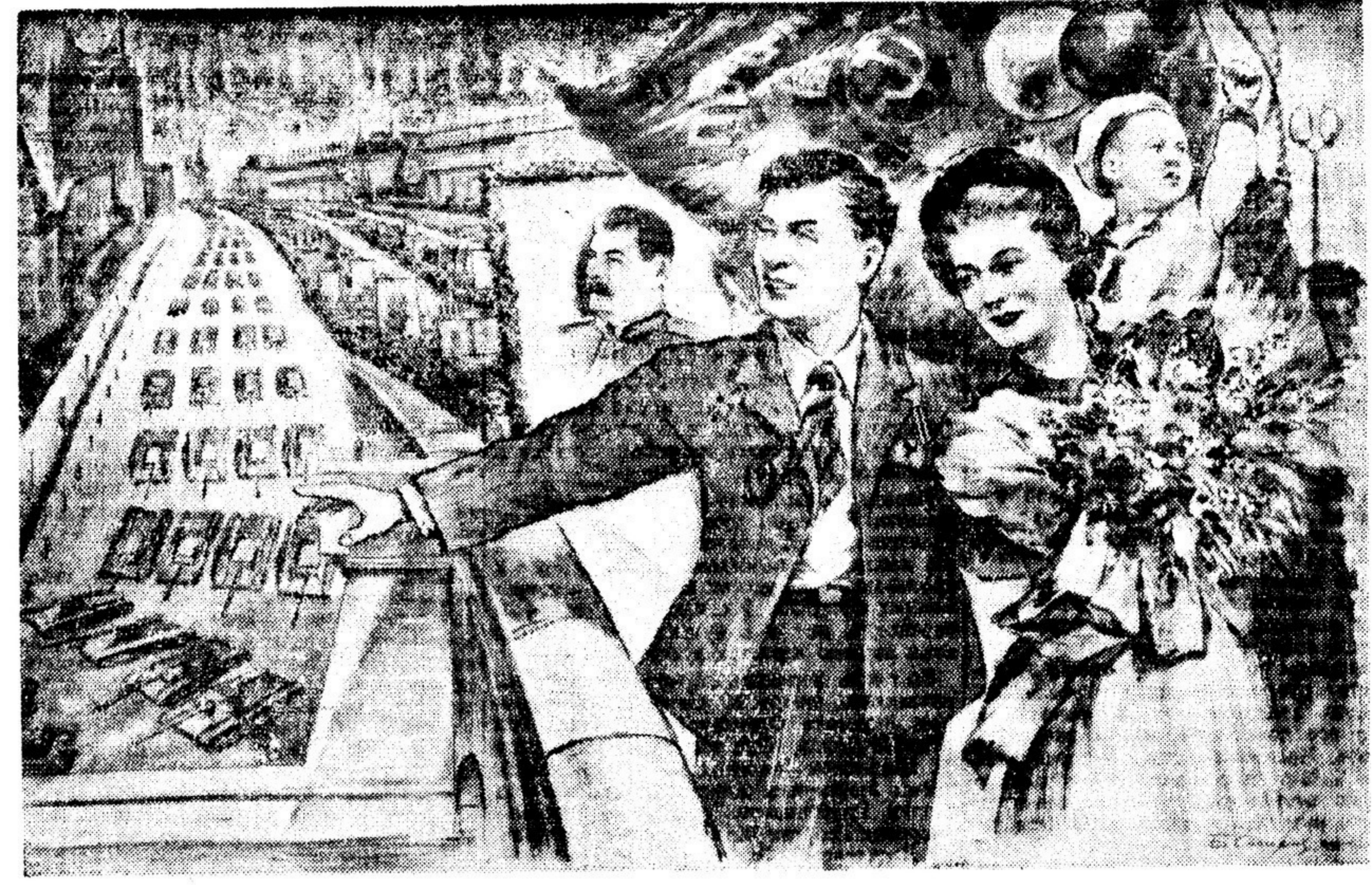

Рисунок Б. СМЕРНОВА

С. МАРШАК Из Габдуллы Тукая

Склонившись над столом, спит поэт И пишет, позавис про целый год. Порой пометит годовую пером, Как бы шла строке своей ответ.

Не устает писать его рука. Вслед за строкой вылетит строка. Но удочки прозвонительная трель Доносится к нему издали.

Недвигаясь млекает ли кот, Иль это выг незнакомых ворот, Иль на дороге старая арба Сириничими колесами поет...

Нежданная нагрянула беда! Все гриме под одним дулом дула. Поэт кричит: — Мальчишка, уходи! Какой шайтан замес тебе сюда?

Мальчишка с дулкой скрылся за углом. Поэт опять склонился над столом. Как слышно записывать в тишине Словесным тонким, хрупким ремеслом!

Но только начинает он писать, Все та же дулка слышится опять. И, наконец, поэт, махнув рукой, Швыряет на пол смятую тетрадь.

А дулка вернется ему на-зубо. Она бунтует дулом, как старуха. Поэт не спорит с потоком судьбы И говорит в тоске: — Не повезло!

Но и поэт находчив иногда. Мальчишку он зовет: — Или сюда! Хочу спросить я, милый мальчуган, Не продается ли твоих дула?

Книжки о нашей родине. Издательство «Молодая гвардия» представляет издание серии книг под названием «Наша родина». Эта серия будет состоять из 32 выпусков.

В связи с исполнившимся в 1947 г. 800-летием Москвы редакция в первую очередь стала в печать том, посвященный Москве. В книге несколько разделов. В первом — исторический обзор Москвы от момента ее возникновения. Первые четыре главы этого раздела, написанные членом-корреспондентом Академии наук С. Бахрушиным, охватывают период до 1917 года. Две следующие главы посвящены периоду — от февральской революции до наших дней (автор П. Лопатин).

Во втором разделе дана панорама города — географическое описание современной Москвы с экскурсами в прошлое города, в историю его культуры. Этот раздел написан Н. Андиферовым и С. Горюхиным.

Третий раздел посвящен подземной Москве: метрополитену, его строительству, телефону, водопроводу, газу и пр. Москва в запятой современности и в образах художественной литературы — такова тема четвертого раздела.

Пятый раздел назван: «Москва в цифрах». Здесь приводятся координаты столицы, численность населения и т. п.

Ф. ВИКТОРОВИЧ Счастья народов надежный оплот

Первое мною рукопись поэмы, полученной недавно редакцией журнала «Советская литература» (на испанском языке). Поэма прислана из далекого Эквадора, автор ее — известный поэт Умберто Мата, а сама она носит характерное название «Величие Звезд» («Magnitud de las Estrellas»). Из сопроводительного письма Умберто Мата мы узнаем, что поэма была написана им летом 1945 г. и имела большой успех в Эквадоре. Автор хотел бы познакомить со своей поэмой советских читателей, увидеть ее в русском переводе.

Одновременно Умберто Мата выслал на адрес редакции сборник своих стихотворений «Эквадор — в образе Человека». В нем мы находим несколько маленьких поэм, посвященных Советскому Союзу и событиям Великой Отечественной войны. «Каждая битва, — пишет в своем письме Умберто Мата, — порождает поэму. Я создавал стихи кровью сердца, силой гнева, пламенем порыва». И любопытная особенность: со стихами «Наша Россия», «Ленинград победит», «Для героических и великих народов», «Советской женщине», «Советским партизанам», «Народ-полководец», «Москва занесла свою руку», «Сталинполь» в сборнике перекладываются стихи о Латинской Америке, о родине поэта — Эквадоре. В этой своеобразной перекличке дано себе живо чувствовать те идеи братской солидарности народов, которыми живут сейчас передовые люди латиноамериканского континента.

Что касается «Величие Звезд», то эта большая поэма, насчитывающая около полутора тысяч стихов, представляет собою трогательную попытку рассказать историю Советской России. Она распадается на 13 глав и содержит в себе поэтический парафраз стихотворения Коптева Симонова «Жди меня». Этот последний факт свидетельствует, каким действенным и живым является влияние советской поэзии в странах Латинской Америки.

Мы не будем останавливаться, на всех главах этой интересной поэмы, но вехах о ней представим читателю, приведем только отрывки из ее предпоследней главы, носитель, как и вся поэма, название «Величие Звезд». Написанная тем латиноамериканским стихом, который ближе всего стоит к нашей ритмической прозе, эта глава поэмы посвящена дню 2 мая 1945 г. и представляет собою прославление советского народа и Красной Армии, победивших фашизм. Отдельные строфы советского гимна в переводе, сделанном Долоре Ибаррури, как бы вкраплены в текст главы и служат связующими звеньями между ее частями. «Мои соотечественники, — восклицает поэт, — вы, трудящиеся всего мира, почувствуйте, за кого была пролита кровь в день 2 мая. Почувствуйте, как она объединяет нас в одну семью, как братски сплачивает эта кровь все горизонты, все человеческие сердца. Она несет сегодня победу и белому, и негру, и индусу, и китаю, и англичанину, и янки, и французам... Она несет победу людям, пушкый различный рас, но людям, объединившимся в общем труде, в общих радостях, в движении к победе, в борьбе за хлеб и за уголь, за пищу и за мирный сон, за то благо, которое...

Победа Советского Союза над фашистским зверем, героический штурм Красной Армией Берлина и окончательный разгром гитлеровской армии — более чем убедительные латиноамериканские поэты к Советскому Союзу и чувство вполне естественного их восхищения.

Когда советские войска вступили в пределы Восточной Пруссии, Пабло Неруда послал этому событию прекрасную «Песню». «Братья, сегодня мы можем сказать: взошла заря, — восклицает в ней поэт. — Это солнце рождающегося дня и уходящей эпохи, это солнце весны, притравившейся к нам из России». Поэт обращается к чужеземцам, братьям, к югославам с призывом добиваться свободы. Он призывает испанцев ускорить «час отмщения». «Что то новое, — говорит он, — проносится над миром, как свежее дыхание ветра, которое мы раньше не могли почувствовать среди волн порохового дыма».

Этим новым сейчас полны сердца передовых людей Латинской Америки, в крайне тяжелых условиях борющихся за лучшую жизнь на континенте, выступающих в трудные дни, когда усилились преследования со стороны реакционных кругов и кровавый палач испанского народа Франко предпринимает все более активные попытки упрочить свои позиции за океаном. Но мы знаем, что сегодня, в день 1 мая 1946 г., передовая интеллигенция Латинской Америки обращает свой взор к народо-победителю и его гениальному вождю, создателю этой победы, тому, кого Рауль Гонсалес-Туньон зовет «великим вождем людей, их лучшей душой, их счастьем, их любовью, полководцем жизни».

Кубинская поэтесса Эмма Перес пишет в одной из своих песен о Сталине: О Сталин наш великий, О Сталин наш любимый, Мы ставим перед тобой: Гитлер и войну. И верь, что в нас горит огонь неутомимой Жизни, признательной любви.

Передовая интеллигенция Латинской Америки знает, что «советский народ» — как это говорит видный бразильский писатель-антифашист Жоржи Амаду, — народ-умельщик построит счастье на земле, сущее и защитит право на него, потому что, что его сердце, пламенеющее любовью к свободе, вылетит из стали великого Сталина — Солнца нового мира.

Довольно широко распространено представление о том, что наука и искусство — это два совершенно разных измерения, что она лишена внезапных прозрений и влечений. Но у науки есть также свой, как и у искусства, выражающийся военным термином, — свой «передний край», где впереди все неизвестно, куда разведчики идут одни лишь служебные гипотезы, из которых одна порою противоречит другой, а истина или приближение к истине, добытая именно с боя. Конечно и тут есть священный холодок, но холодок этот тот самый, который необходим как раз и в разгаре самого жаркого боя. Те же писатели, которым выпало счастье познакомиться с наукой, хорошо знают, что это бывает именно так.

Радость удач конца, давнего жданное, радость победы может быть, да и бывает, одинаково бурной и у спламенного поэта и у экологического ученого. Всем памятно, как экспансивно держал себя Пушкин, только что кончив «Бориса», а мне старый лабораторный сторож рассказывал, как однажды утром застал он К. А. Тимирязева, отпавшего между пробирок и колб, праздную какую-то свою очередную победу.

Но более всего радостны обе эти великие области человеческой деятельности то бескорыстное горение самоотверженного и выскатально-зоркого труда, который подобно предельно высокой температуре, при которой только и мыслимо выделить чистый драгоценный металл из обемистого тела первобытной руды.

Чем строже и даже афористичнее ученый труд или чем живее и типичнее образцы поэтического стихотворения, тем безогоннее можно указать, что, кроме природного дарования, или таланта, или даже гениальности, сюда вложено столько неслыханного и немереного труда, то-есть попросту самой жизни ученого или писателя, что невольное ощущение этого даже неуклюжим читателем рождает чувство подлинного почтения, а порою и искреннего восхищения перед человеческим гением. Это чувство объясняет, и оно стоит того, чтобы хотя все своей жизнью честно его заслужить: труд, честь и жизнь — это в сущности одно.

Литературная газета

№ 19 3

